

Слово о Державине, Бузулуке

и ранее неизвестных страницах истории

В ходе исследовательской работы по истории Бузулукского края в поле моего зрения попали ценнейшие свидетельства прошедшей эпохи, имеющие непосредственное отношение к нашему городу - письма поэта и выдающегося государственного деятеля Российской империи Гавриила Романовича Державина.

Державин, как бузулукский помещик и владелец села Державина, безусловно, живо интересовался происходящим в данной местности, но поводом к написанию данных писем явилось отнюдь не любопытство и не хозяйственные нужды. Переписка, имеющая отношение к Бузулуку, связана с пугачевским восстанием 1773-1775 годов.

Многие знают, что пугачевское восстание затронуло Бузулук, но круг знаний о тех событиях, как правило, ограничивается несколькими строчками, переходящими из одного краеведческого издания в другое: «В ноябре 1773 года Бузулук был занят пугачевцами под предводительством Ильи Арапова, комендант Вульф бежал, повстанцы во главе с Араповым заняли впоследствии Самару, но уже в середине февраля 1774 года Бузулукская крепость была занята правительственными войсками генерала Мансурова».

Подробности отсутствуют, деталей нет. Документы той поры, которые могли бы пролить свет на этот период в истории города, в подавляющем большинстве находятся в архивах и никогда не публиковались.

Дадим слово издателю переписки нашего знаменитого земляка Якову Карловичу Гроту*. Вот цитата из примечаний к его труду «Деятельность и переписка Державина во время Пугачевского бунта»: «Обращаем внимание читателей, между прочим, на письма относящиеся к пугачевщине, во время которой Державин, будучи офицером Преображенского полка, командирован был на Волгу как член Секретной Комиссии; в своей совокупности эти письма представляют довольно полную и выразительную картину, с одной стороны, не всегда удачных мер защитников правительства, а с другой - явлений бунта в данной местности; историк найдет здесь такие подробности, которые могли бы ускользнуть от него при изучении документов более общего содержания».

Яков Карлович как в воду глядел - как раз в этой переписке я и нашёл те жемчужины, которые искал.

От Гринёва к Державину. 2 марта 1774. О частных делах и о сражении под Бузулуком.

Мил. гдрь, Гаврила Романович! За присланную водку при письме покорно благодарствую. Я весьма радуюсь, что буду иметь счастье вас видеть при его высокопревосходительстве. Лошадь же вам почти отыскал купить; дай Бог, чтобы вы поскорей приехали. О деревне вашей и о приказчике я через курьера вам донес; уповаю, что вы то и получили. Возьмите участие в жалости моей при сражении под Бузулуцкой крепостью: кто именинник тому пирога нет; от чего и до сих пор еще не в здорье. Наконец с истинным моим высокопочитанием назваться честь имею ваш, мил. гдря, покорнейший слуга, Пётр Гринёв.

Поясним ситуацию для читателя с использованием примечаний того же Я. К. Грота, данных «Википедии» и электронных энциклопедий. Гринёв Пётр Борисович (1731-1785) - командир 22-й легкой полевой команды, подполковник. Происходил из дворянской семьи среднего достатка («из штаб-офицерских детей»), владел сотней душ крепостных. С конца декабря 1773, находясь со своей командой в составе бригады генерала П. Д. Мансурова, Гринёв участвовал в подавлении пугачевского восстания на территории Заволжья, был в боях под Красноярской крепостью, Ставрополем, Кинельской слободой. Особо отличился под Алексеевском и у Бузулукской крепости. В ходе последующего продвижения к Оренбургу принимал участие в сражении 22 марта 1774 года у Татищевой крепости. В апреле - июле того года бригада и отдельные ее команды вели бои с повстанцами в приицкой степи и Заволжье. С августа 1774 года подчиненные Мансурову легкие полевые команды Гринёва и Муфеля вместе с яицким казачьим отрядом старшины М. Бородина усмиряли повстанческое движение в правобережных уездах Среднего и Нижнего Поволжья. В 1775 году Гринёва произвели в полковники, в 1779-м - в генерал-майоры. Гринёв упоминается в архивных заготовках к «Истории Пугачёва» и в тексте самой «Истории». Сведения о нем имеются в опубликованной Пушкиным «Летописи» П. И. Рычкова, а также в пушкинском ее конспекте.

И вот здесь читаем самое интересное. По словам князя П. М. Голицына, «Гринёв, после завладения Ставропольскою крепостью, напал на тех злодеев около Красноярской крепости, сию злодейскую толпу разбил и взятые ими пушки и порох со снарядами у них отбил. После того Гринёв пошел с генералом Мансуровым по Самарской линии и 14-го февраля был главным участником в поражении злодейской шайки, овладевшей Бузулуком (донесение Бибикова императрице от 22 февраля 1774 г.), на что и намекает в настоящем письме. Под Бузулуком Гринёв, «прошед узким проходом, в котором состояло 9 пушек, преодолел их (злодеев) мужественно (где и лошадь под ним убита), а потом ворвался в крепость» (Экстракт из журнала князя Голицына в Приложениях к Истории Пугачевского бунта).

Перед нашими глазами предстает героический Гринёв - победитель пугачевцев в Бузулуке. Абстрактная история обретает конкретные лица, оживает на глазах. В советской историографии пугачевское восстание имело положительную окраску, преподносилось как один из примеров классовой борьбы, грабеж населения замалчивался, вступал в действие принцип справедливого характера «экспроприации экспропрированного». Однако пугачевцы занимались реквизициями не только в помещичьих владениях. Так, по архивным данным (следственные показания участника событий сержанта Ивана Зверева), забрав у местных жителей подводки, «мятежники нагроулили на них 62 четверти сухарей, 164

куля муки, 12 четвертей круп, пять пудов пороха и 2010 рублей медных денег». Справочно: куль = 128 кг, четверть - 209 литров.

То есть восставшие вывезли из крепости почти 21 тонну муки, 15,5 кубометра сухарей и круп. Причем отметим, что все это происходило в ноябре, который в наших краях является полноправным зимним месяцем. То есть, по сути, «восставшие в интересах народа» оставили жителей Бузулукской крепости без продовольственных запасов в самом начале зимы. Естественно, правительственные войска встречали если и не как освободителей (с их приходом неизменно начиналось следствие, а за ним наказание провинившихся), то уж как точно как наименьшее зло. Тем важнее для нас фигура Петра Гринёва - победителя в сражении под Бузулуком.

Однако на момент написания письма Гринёвым Державину с момента его отличия под Бузулуком прошло уже более двух недель (с 14 февраля по 2 марта 1774 года), а награда, видимо, еще не последовала - поэтому и употребляет Пётр Борисович очень емкое выражение: «кто именинник тому пирога нет». Впоследствии заслуги его не остались незамеченными, так как подвиги Гринёва нашли отражение в многочисленных документах той эпохи. Гринёв в своем письме также упоминает и про деревню Державина (будущее село Державино) - Гаврилу Романовича, как собственника, естественно, интересовала судьба его имени в мятежное время. Жаль, что в переписке это письмо не сохранилось.

Добавим только, что, по мнению некоторых пушкинистов, фамилию именно этого Гринёва Пушкин избрал для одного из главных героев своего произведения «Капитанская дочка».

Приведем еще несколько писем из переписки Державина, где упоминаются Бузулук и его окрестности.

От Соловьева. Март 1774.

Братец сударик, Гаврила Романович. Дружеское ваше письмо я имел честь получить, за кое приношу мою искреннюю благодарность, равно за отсылку меня водкой. Впрочем извини, государь, что я умедлил к вам писать; это правда, вы в письме сказали, что завоевался: я до сих пор мест все время был отделен вперед и в ином месте суток и за трое не получал сикурса, и не имел время, право, к вам писать, а все сидя на лошади, оглядался во все стороны как волк, чтоб иногда злодеи не похитили и меня, так как волк из большого числа в стаде режет. Однако, как то ни есть, а имя Соловьева с гусарами его глупскому величеству (Пугачеву) довольно чрез Арапова известно, который от меня и по се время еще бежит.

Из последнего этого места я имел счастье всю эту толпу, сколько против всех нашего корпуса сил была выгнана из Бузулука, а я преследовал пятнадцать верст с моим эскадроном и, поражая, гнал без урона с нашей стороны людей, чему свидетель весь корпус, от Мочинской слободы до сих пор, без всякого подкрепления. Я все крепости, выгоняя их, очистил, а спасибо еще ни за что нет а говорить, что так должно, чтоб я только таскался, а все; б за много спали, а я б только один был жертвой за всех.

О майоре Соловьеве упоминает князь Голицын в своем журнале; описывая дело под Бузулуцкою крепостью, он говорит: «от стороны его превосходительства (Мансурова) отряжены были к пресечению побега и к занятию дороги майор Соловьев, с двумя ротами гусар, и легкие полевые команды да поручик Гарстейн с одною ротою драгун, и так гнались за злодеями около 7 верст».

От Державина к Симонову. 13 марта 1774.

«Высокоблагородный и высокопочтенный г. подполковник и Яицкой крепости комендант, м. г. мой! Вследствие именного Ее Величества повеления отправлен я полномочным г. ген.-аншефом А.И. Бибиковым - для секретного дела по обстоятельству злодея Пугачева; также и приказывал мне его в-пр., чтоб разведать о состоянии вашего города, войск ваших и вашем; то теперь, нашед людей тайным послать к вам, и прошу вас покорно о себе и о всех ваших приключениях меня уведомить. Вам же во известие уведомляю, что войска наши имели много раз с злодеями сражения, и везде сии изменники разбиты, бегут как скоты, и теперь уже от них отобраны по Самарской линии крепости по Бузулук и на сих днях, уповаю, что взяли Сороку и очень скоро прибудут для освобождения Оренбурга, и вас того ради, м. государя моего, прошу показать, как можно еще, опыты своего Ее Величеству усердия и стараться держать город, обнадежить и ободрить людей скорою помощью»...

От князя Щербатова. Казань, 2 мая 1774. (получ. 6 мая).

«Не имея в руках моих долгое время походной канцелярии покойного г. ген.-аншефа и кав. Бибикова, следовательно и совершенного известия о экспедиции, вам порученной, не имея я еще до сего времени случая уведомить вас о кончине его... из всех рапортов ваших к покойному усматриваю я похвальные распоряжения ваши по силе возложенного на вас дела; но и теперешние, а особливо предприятие ваше к освобождению теснимого в Яицком городке с гарнизоном полковника Симонова, не менее хвалы достойны. Я уповаю, что прежде нежели сей ордер до вас достигнет, будете вы уже сведомы по известиям, что сей полковник Симонов г. ген.-майором Мансуровым освобожден и что злодеи с немалым уроном поражены, потеряв свои пушки, и рассеяны, и жена самого злодея Пугачева, тут бывшая, захвачена. Г. Мансуров уведомляет, что злодеи побежали в степь, а г. полковник Шепелев, стоящий с деташаментом своим на большой московской дороге, рапортует, что из них небольшая партия пролезла близ крепости Елшанской чрез Самарскую линию и появилась около Бугуруслана; но как для истребления сей надежные взяты меры, то не столько о сделании примечания на сих, сколько на первых вам рекомендую».

От Мансурова. Яицкий городок, 21 мая 1774 (получ. 28 мая).

«Мил. г-дрь мой, Гаврила Романович. Два ваших письма, одно из Малыковки от 14-го, а другое из Ме-

четной от 17-го я получил исправно сего числа и по оным сведом: весьма изрядно сообщили вы г. капитану Елчину, чтоб он оставил поиск в преследовании извергов Калмык, а прикрыл бы командою своею иностранные селения колоний, а для поражения оных довольно будет деташамента, от меня отряженного под командою г. подполковника и кавалера Муфеля. Для прикрытия сызранских транспортов моих извольте оставить труд ваш: я оное отменяю. В покупку в Малыковке провиант мне не надобен; я могу исправиться здесь получаемым из Самары и Бузулука»...

От кн. Щербатова. Богулма, 14 июля 1774 (получ. 26 июля).

«Злодей самозванец, будучи разбит под Троицкою крепостью ген.-поручиком Деконгоном и потом на стремительном его бегу внутри Башкирии не один раз поражен подполковником Михельсоном, с великим стремлением удаляясь от него, оказался наконец в стороне Кунгурского уезда, прошедши туда лесами и горами, так что подполковник Михельсон, по причине утомленных своих войск и изнуренных от многотрудного марша лошадей, не мог никак ускорять свое за ним преследование. Между тем злодей успел собрать толпу единомышленников и бросился к пригородку Осе, которым чрез предательство жителей и бывшей там команды овладел и выжег; потом, переправясь чрез Каму, разорил еще некоторые заводы и уклонялся по Каме к стороне Казани...»

А чтоб удержать стремление злодея и на Самарскую линию, то должествующему уже теперь быть в Бузулуцкой или Борской крепости подполковнику и кавалеру Муфелю с легкой полевой командою приказал я стать в Красносамарске и делать свои примечания вперед себя; но чтоб иногда злодей под другим именем не мог один вкрасться в ваш край, то особливо рекомендую вам употребить по собственному вашему благоусмотрению все предосторожности, катя только вам представиться могут в сохдств данного вам по комиссии вашей наставления, а в таком случае помянутыми Донскими казаками способствоваться можете».

Из приведенных документов видно, что Бузулук был в самом центре событий пугачевского восстания и с момента его освобождения от мятежников стал пунктом дислокации правительственных войск и крупным узлом снабжения продовольствием и припасами освобождаемых от восставших территорий.

Таким образом, переписка Державина, занимавшего одну из ключевых ролей в подавлении пугачевского бунта, позволила выявить неизвестные ранее факты истории города и его окрестностей в этот драматичный и интересный период развития Российской империи.

*Яков Карлович Грот (1812 - 1893гг) - российский филолог, с 1840 года профессор Гельсингфорского университета, с 1858 года академик, с 1889 года вице-президент Российской Императорской академии наук, действительный тайный советник.